

«Столкновение цивилизаций» и «Конец истории»

Ступени каждой в области
познания
Ответствует такая же ступень
самоотказа...

М. Волошин

В 1989 году американский журнал «The National Interest» опубликовал статью Ф. Фукуямы «Конец истории?», вызвавшую бурю откликов, дискуссий и сразу ставшую бестселлером¹. Ее автор шокировал научную общественность, заявив, что наступает, наконец, преждевременно постулированное когда-то Гегелем завершение эпопеи мирового развития. С развенчанием тоталитарных идеологий и режимов либеральная демократия как высшее воплощение исторической истины быстро возобладает на геополитическом пространстве планеты, и далее ничего существенного в мире происходить не будет.

Импульсивность, даже некоторая наивность концепции многим бросились в глаза сразу по ее обнародовании, а дальнейшие события разрушили, кажется, последние иллюзии по поводу благодати, долженствующей прийти на смену холодной войне. И вот спустя четыре года в журнале «Foreign Affairs» появилась статья другого американского политолога, излагающая, по сути, прямо противоположную версию будущего и наделавшая не меньше шума среди ученых². По мнению С. Хантингтона, с разрушением двухполюсного мира человечество ожидает повсеместное нарастание фундаменталистских настроений («реванш Бога»), а соответственно, обострение противоречий и, вероятнее всего, столкновений между семью-восемью базовыми цивилизациями, внутренне консолидирующимися преимущественно вокруг традиционных религий.

Прогноз Хантингтона выглядит сегодня более правдоподобным, чем в свое время выглядели откровения Фукуямы. Собранные им факты достаточно убедительны, а к тому же в эпоху комплексного глобального кризиса люди вообще склонны легче доверять «пессимистическим», нежели «оптимистическим» экстраполяциям. Как справедливо полагает сам автор, альтернативу его сценарию мог бы составить прогноз, опирающийся на более емкую концептуальную парадигму, хотя при этом подразумевается, что подоб-

¹Русский перевод см. «Вопросы философии», 1990, № 3.

²Русский перевод см. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? «Полис», 1994, № 1.

ная возможность сугубо гипотетична. Между тем знакомство с рядом общесистемных зависимостей, раскрытых междисциплинарными исследованиями российских ученых, помогает включить нынешнюю переломную эру в широкий эволюционный контекст и, таким образом, полнее осмыслить обозримые перспективы.

Закон иерархических компенсаций

Одна из самых очевидных тенденций современного мира — интенсивный рост разнообразия культур, выходящих на историческую арену в качестве самостоятельных субъектов после нескольких веков безраздельного доминирования Запада. Последнее обстоятельство обусловило психологическую сопряженность культурных идентификаций с подавляемым комплексом неполноценности, который выражается агрессивными настроениями конфронтации по отношению к культуре-лидеру. Со своей стороны, европейские аналитики, окончательно разочаровавшиеся в евроцентрической идеологии прямолинейного прогресса, испытывают растерянность от возрастающего разнообразия ценностей, мировоззрений и жизненных стилей, трудно совместимых с рационалистическими идеалами Просвещения. Этот процесс диверсификации, безусловно, драматичен и чреват неоднозначными последствиями. Понять же его сущность и перспективу помогают новейшие результаты в той области научного знания, к ведению которой относится универсальный феномен разнообразия — кибернетической теории систем.

В философии, космогонии, социологии, логике с античных времен по разным поводам возобновлялись дискуссии о разнообразном критерии развития: свидетельствует ли рост разнообразия о прогрессивных или, напротив, о регрессивных изменениях? Разногласия не были изжиты даже после того, как в 1956 году крупнейший специалист по кибернетике У. Р. Эшби сформулировал закон, согласно которому динамическая устойчивость и эволюционный потенциал систем любой природы пропорциональны внутреннему разнообразию. Дело в том, что как всякое подлинное открытие закон Эшби обнажил массу новых теоретических вопросов. В частности, обнаружилось, что при каждом качественном изменении системы рост разнообразия по одним параметрам сопровождается снижением разнообразия по другим параметрам

Размышляя над этим парадоксом, русский ученый Е. Седов обратил внимание на то, что изменение характеристик сложной системы затрагивает различные уровни ее иерархической организации, причем продуктивный рост разнообразия на верхнем уровне возможен только при ограничении разнообразия на предыдущих уровнях⁴. Закон иерархических компенсаций (закон Седова) оказался соразмерным по универсальности закону Эшби, и иллюстрировать его можно примерами из любой области знания.

Так, усложнение организмов на надклеточном уровне компенсируется упрощением на субклеточном и молекулярном уровнях; чтобы обеспечить огромное разнообразие осмысленных высказываний, язык ограничивает допустимую сочетаемость слов, морфем, фонем, букв, звуков; невозможна развитая система городского транспорта без принятия всеми водителями тождественных правил, и т. д. В бесчисленных примерах подобного рода снятие ограничений приведет к хаосу, деградации системы, к Вавилонскому столпотворению.

³ Характерна в данной связи полемика между известными русскими учеными Н. Михайловским и П. Струве о том, какое историческое значение имела отмена крепостного права. Оба полагали этот акт прогрессивным, но опирались на диаметрально противоположные аргументы: первый указывал на снижение сословной «разнородности» общества, а второй — на рост имущественной «разнородности» как признак прогресса.

⁴ См. Седов Е. А. Информационные критерии упорядоченности и сложности организации. «Системная концепция информационных процессов». М., 1988; его же. Информационно-энтропийные свойства социальных систем. «Общественные науки и современность», 1993, № 5.

Обществоведами давно замечена аналогичная тенденция в эволюции морали, права, прочих социальных норм: «Как раз потому, что эти правила сужают выбор средств, которые каждый индивид вправе использовать для осуществления своих намерений, они необычайно расширяют выбор целей, успеха в достижении которых каждый волен добиваться»⁵.

Примерив эту общесистемную закономерность к динамике современных политических и идеологических процессов, рискну вывести два суждения. Во-первых, в сегодняшнем тесно взаимосвязанном мире реальный рост культурного (и личностного) разнообразия настоятельно требует дальнейшего «взаимоуподобления» цивилизаций по мировоззренческим и поведенческим основаниям, а в противном случае это обернется катастрофическим крахом всей системы планетарного общежития. Во-вторых, один из источников нестабильности современного мира, растерянности, неуверенности в завтрашнем дне — неравномерное развитие взаимодополнительных тенденций диверсификации и конвергенции.

О каком же уподоблении культур идет речь и что, кроме абстрактных соображений, свидетельствует о реальности или необходимости такой тенденции? Разобраться в этом помогает еще одна общесоциальная зависимость, раскрытая на обширном историческом материале и остро проявившая себя в последние десятилетия.

Закон эволюционных корреляций

С тех пор как гоминиды встали на путь производства искусственных орудий, устойчивость их существования зависит от того, насколько инструментальные возможности компенсированы выработанными культурой (протокulturой) средствами ограничения экологической и социальной агрессии. Когда мощь производственных и (или) боевых технологий существенно превосходит качество культурных регуляторов, общество вступает в полосу антропогенного кризиса. Далее оно чаще всего оказывается жертвой собственного могущества: не умея предвидеть отдаленных последствий деятельности, люди подрывают природные и социальные основы бытия. Такова причинная схема надлома и гибели многих очагов цивилизации⁶.

На этом фоне особенно интересны факты иного рода — когда антропогенный кризис охватывал обширный социально насыщенный регион, обитателям которого удавалось найти кардинальный выход из тупика, преобразовав технологические, организационные, интеллектуальные, нравственные принципы деятельности⁷. Через такие драматические коллизии человечество прорывалось в новые эпохи, последовательно адаптировало культуру самоотказа к возраставшему инструментальному потенциалу. В целом цивилизация на нашей планете до сих пор жива благодаря тому, что люди, становясь сильнее, в конечном счете умели становиться и мудрее — они учились лучше понимать друг друга и окружающий мир, находили все более искусные формы компромисса⁸...

⁵ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. М., 1992, с. 88.

⁶ См., например, Григорьев А. А. Экологические уроки прошлого и современности. Л., 1991.

⁷ Среди наиболее ярких примеров — неолитическая революция, позволившая преодолеть кризис верхнего палеолита (тогда чрезвычайное развитие охотничьих средств повлекло за собой разрушение природной среды и сокращение на порядок населения Евразии); начало «осевого времени», последовавшее за распространением дешевого и высокоубойного железного оружия; индустриальная революция, ставшая ответом на глубокий кризис сельскохозяйственной культуры. (См. подробнее Назаретян А. П. Технология и психология: к концепции эволюционных кризисов. «Общественные науки и современность», 1993, № 3.)

⁸ Ср.: «История — это прогресс нравственных задач. Не свершений, нет, — но задач, которые ставит перед отдельным человеком коллективное могущество человечества, задач все более и более трудных, почти невыполнимых, но которые с грехом пополам все же выполняются (иначе все бы давно развалилось)» (Померанц Г. С. Опыт философии солидарности. «Вопросы философии», 1991, № 3, с. 59).

Сегодня планетарная цивилизация вступила в очередной эволюционный кризис, суть которого может быть выражена той же корреляционной формулой: мощь управляемых энергетических потоков существенно превзошла качество выработанных в предыдущем историческом опыте средств сдерживания, и эта диспропорция поставила человечество на грань самоистребления. Но если прежние кризисы аналогичного генезиса, будучи глобальными по эволюционному значению, успевали достигнуть лишь масштаба более или менее обширных регионов, то теперь сфера кризисов охватила всю планету. Резко спрессованы временные масштабы, отведенные на выработку спасительных стратегий. Вместе с тем несравнимы с прежними и накопленный культурой опыт, и имеющиеся в распоряжении интеллектуальные ресурсы.

Сценарий грядущей катастрофы?

О том, что стержень стратегии выживания составляет коренная перестройка системы идеологических и политических отношений, писано предостаточно. Но чаще всего при этом либо подразумевается, либо утверждается без обиняков, будто восстановить гармонию человеческого бытия (гармонию воображаемую, сильно преувеличенную ретроградными романтиками) способен возврат к культурным, религиозным истокам. Таким образом под фундаментальные настроения подводят теоретическую базу.

Между тем все традиционные культуры формировались при совершенно несопоставимых с нынешними инструментальных возможностях, и это обстоятельство приобретает теперь решающее значение. Например, перед человечеством никогда реально не стояла задача полностью искоренить политическое насилие. Возраставшая боевая мощь заставляла корректировать приемы и цели ведения войны (так эксплуатация вытесняла людоедство, демагогия ограничивала террор, и т. д.), но в общем силовые конфликты не только не угрожали существованию общества как такового, но и служили важным фактором развития. Соответственно, культура искони решала не менее актуальные для прежних эпох, но качественно более простые задачи — *упорядочение насилия*, предотвращение хаоса, сплочение человеческих сообществ путем противопоставления их другим сообществам. Именно на решение этих задач ориентированы культовые, религиозные идеологии, составлявшие ядро почти каждой традиционной культуры со времен палеолита. Всякий культ ограничивает насилие в пределах некоторой группы, более или менее жестко разделяя нормы дозволенного на «внешние» и «внутренние», более или менее эксплицитно дополняя требование «не убий» конкретизацией: *кого, когда, где, за что*. Мировые религии чрезвычайно расширили границы групповой идентификации, сменив родство по крови родством по вере. Но до тех пор, пока не сформировалась историческая потребность в неконфронтационной солидарности («мы» без «они»), идеология, провозглашающая: «Несть еллина ни иудея», — но взамен не дающая своим адептам «меч» для отсечения своих от чужих, так и осталась бы достоянием эзотерической секты без широкого социального отклика.

Вектор духовного роста на протяжении тысячелетий определялся последовательным расширением и размыванием границ групповой солидарности. Тем не менее до сих пор люди плохо умеют спланировать между собой иначе как через противопоставление. Еще в начале нашего века писатель-фантаст Г. Уэллс саркастически заметил, что вечные распри между англичанами и французами могут быть прекращены только с обнаружением на Марсе враждебной землянам цивилизации, а в 1986 году эту грустную шутку повторил президент Р. Рейган, говоря об отношении русских с американцами.

Однако технологический прогресс — жестокий и беспощадный воспитатель. Обретенный человечеством инструментальный потенциал, поставив мировую Цивилизацию перед исторически беспрецедентной задачей, не позволяет более

довольствоваться привычной логикой объединения через размежевание. Поэтому культурно-религиозные механизмы, выполнявшие в прежней истории важнейшую организующую (антиэнтропийную) роль, обернутся теперь противоположным — разрушительным эффектом.

Факты, приведенные Хантингтоном в поддержку тезиса о наступлении фундаментализма, нетрудно умножить. И теоретически не исключено, что события станут развиваться по его сценарию, только следует добавить: это недописанный сценарий трагедии с катастрофическим финалом. Религиозный ренессанс представляет самую грозную из опасностей современного мира, поскольку он блокирует эффективное противодействие всем прочим глобальным опасностям. Если «реванш Бога» состоится по большому счету и оживление религиозных настроений примет долгосрочный характер, то наиболее вероятным исходом этой тенденции станет «конец истории», хотя и не совсем в том смысле, какой придал этому понятию гегельянец Фукуяма. А именно, гремучая смесь мистического порыва со смертоносной рациональностью современного оружия взорвет здание мировой цивилизации.

Впрочем, дело не только в оружии. Бесконтрольный рост населения, накопление генетического груза из-за эффективного сокращения смертности, нарастающее давление на природу и прочие тенденции подобного же рода делают настоятельно необходимым углубляющееся вторжение интеллекта в самые интимные основы бытия. Между тем рациональное регулирование рождаемости, генная инженерия, образование человеко-машинных систем управления и прочие перспективные тенденции совершенно не совместимы с богооткровенными установками. Последние могли бы в лучшем случае выполнять «оппозиционную» роль консервативного противодействия, побуждая к дополнительному взвешиванию принимаемых решений, но, став доминирующими, заблокировали бы любые жизненно необходимые инновации.

Я хочу сказать, что Хантингтон нарисовал нам дорогу к пропасти. Общество, оснащенное небывалыми орудиями разрушения и созидания, не может безнаказанно вернуться в средневековье. Чтобы выжить, оно обязано выработать и освоить менталитет, адекватный инструментальному могуществу и предполагающий чрезвычайно высокую степень терпимости, готовности к самокритике и компромиссам. Принятие всеми региональными культурами единых ценностей и норм общежития (конвергенция, унификация) — сегодня не благое пожелание, а императив самосохранения мировой цивилизации. Либо человечеству достанет интеллектуального динамизма, чтобы своевременно вырасти из пеленок религиозного мышления (консолидация через конфронтацию), либо эволюция жизни и общества на нашей планете завершится заслуженным Апокалипсисом.

В переплетении противоречивых тенденций современного мира имеются признаки того, что новый исторический «вызов» человечеством осознан и принят. Например, я не нахожу в мировой истории прецедентов, когда бы самые разрушительные виды оружия, уже имеющиеся в распоряжении правителей, десятилетиями не применялись бы по назначению, удерживая к тому же их обладателей от прямого столкновения при острейших противоречиях. Не свидетельствует ли это о том, что элементы «нового мышления», независимо от публичных деклараций, сделали реальным фактором политического бытия?

До сих пор глобального столкновения удавалось избежать ценой переноса агрессии в русло «малых» войн. Но, похоже, в ближайшие годы на полях сражений появятся такие виды оружия, которые сделают локальные боевые конфликты столь же самоубийственными, сколь самоубийственна мировая война с использованием баллистических ракет. Это будет очередное испытание человечества на зрелость, и результатом его опять-таки станет либо вырождение цивилизации, либо выработка более совершенных механизмов компромисса, более изощренных форм замещения агрессии и т. д.

Имеются и другие, менее очевидные, чем многолетнее воздержание от

мировой бойни, но также заслуживающие внимания симптомы того, что человечество, пусть «с грехом пополам», но все же приспосабливается к велениям времени.

Придя к власти, А. Гитлер изрек циничную фразу: «Политическая коалиция, не имеющая целью войну, бессмысленна», — и, как юродивый, только высказал вслух то, о чем было принято молчать. Вскоре армии, направленные автором этих слов, сыграли роль уэллсовских «марсиан», объединив ненавистью к себе англичан с французами, русских с американцами и большую часть прочих наций. «Мы с вами против них» — обычная формула политических союзов, и только в самое последнее время обозначились успешные попытки отсечения от нее психологически исходного члена («они»). Формирование межгосударственных содружеств, не направленных против третьих сил, многокомпромиссных экономических структур, сочетающих поощрение сильных с защитой слабых, опыт научно обоснованных, целеустремленных и организованных экологических мероприятий — все это новые явления, перспективную значимость которых не стоит игнорировать. Они, конечно, не более чем проблески на фоне углубляющегося комплексного кризиса, но в них просматривается симптом: общественное сознание начало адаптироваться к наличному инструментальному могуществу.

При этом западная культура — источник новых технологических реалий — обеспечила и наиболее ясное осознание угрозы. В ее контексте отрабатываются эффективные средства *неконфронтационной солидарности*, воспитывается немесслимая для религиозной среды степень терпимости, готовности к пониманию чужих ценностей и интересов. Наконец, ею выпестована современная наука, уже успевшая перерасти стадию физикалистской юности и обрести гуманистическое измерение. Это сохраняет за Западом лидирующую роль при оптимальном развитии событий, превращая выстраданные им мировоззренческие принципы в тот стержень, вокруг которого способно группироваться все многообразие духовных достижений человечества.

На вопрос, глубоко ли проникают западные стили мышления в толщу традиционных культур, Хантингтон отвечает отрицательно. Для скепсиса и вправду достаточно оснований — слишком многочисленны и красноречивы издержки бездумного насаждения чуждых ценностей под обаянием прямолинейного прогрессизма. Но обсуждая, какая из противоположных тенденций — религиозно-фундаменталистская или интегративная — имеет больше шансов в обозримом будущем, следует учитывать и вектор технологических изменений.

Компьютерная революция, превращая информацию в главную экономическую ценность в товар, в предмет общения и вместе с тем спрессовывая планетарное пространство, делает проницаемыми любые искусственные (как, впрочем, и естественные) границы. Если этот процесс не будет насильственно пресечен, он превратит национальные государства с армиями, таможнями и прочими атрибутами в анахронизм. Уместно также отметить, что мировые религии искони существовали в контексте «книжной» культуры. Распространение же электронных, а затем и компьютерных средств связи не может не сказаться на типе мировосприятия, развивая модельное, паллиативное мышление на «мозаичной» основе. По логике вещей соответствующая организация семантического пространства должна выбраковывать жесткие, «истинностные» смысловые конструкторы, цементированные незыблемым авторитетом.

Все это позволяет считать нынешний всплеск религиозного фундаментализма исторически необходимым (в качестве импульса растущему культурному разнообразию), но преходящим явлением. И делает правдоподобными предположения футурологов о том, что уже к середине XXI века мировое сообщество может организовываться не по территориальному, расовому, языковому, религиозному, но по «сетевому» принципу — согласно интересам, склонностям, сферам деятельности. К тому же наблюдающийся уже сегодня перенос гонки вооружений в область информационных моделей без воплощения

«в металле» в перспективе может превратить потенциальные обострения противоречий в своего рода бескровную игру, обеспечив надежные механизмы сублимации накапливающейся агрессии. (События в Кувейте января 1991 года дали отдаленное представление о том, какую форму могла бы в будущем приобрести «постмодернистская» война — столкновение между противниками, обоюдно оснащенными равноценной компьютерной технологией.)

Земная цивилизация переживает очередную «бифуркационную» фазу развития. Особенность таких фаз в том, что устойчивость системы снижается, уравнивая вероятности различных векторов дальнейшей эволюции, в том числе конструктивных и деструктивных. Серьезные прогнозы при этом могут носить исключительно «сценарный» характер. Хантингтон представил нам один из реалистичных, но наименее приемлемых сценариев — сценариев несостоятельности разума,— однако «онтологизировал» свою модель. Если бы автор полнее учел уникальность эпохи, то нарисованная им картина будущего выглядела бы как предостережение, а не пророчество. Альтернативные сценарии прогностически не менее достоверны, и нынешними поколениями, по существу, решается вопрос о том, достойна ли цивилизация, возникшая на нашей планете, дальнейшего существования.

Добавлю в заключение, что выход на оптимальные режимы развития (сценарий выживания) ни в коей мере не предполагает грядущей идиллии. Прогресс как средство сохранения всегда приносил с собой больше новых проблем, чем решал прежние, однако в конечном счете оказывался наименьшим из возможных зол. И теперь никуда не деться от этого парадокса. XXI век обещает стать беспримерным по драматизму: согласно «оптимистическим» прогнозам, эффективное продолжение информационной революции поставит человечество перед проблемами, которые не имеют прямого аналога в предыдущей истории, хотя их заранее можно с известной осторожностью «просчитать»⁹. Но это уже самостоятельная тема...

⁹См. об этом Назаретян А. П. Беспределен ли человек? «Общественные науки и современность», 1992, № 5.